

8 мая 1937 г.

**ИЗ СТЕНОГРАММЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ М.Л. ИОФФЕ
НА ОБЩЕМ ОТЧЕТНО-ПЕРЕВЫБОРНОМ СОБРАНИИ МОССХ
от 8 мая 1937 г.⁸⁸⁹**

Товарищи, в последние годы мне пришлось работать практически больше не как художнику, а как редактору на одном из ответственных участков нашей художественной политики и нашего политического искусства. Я работал в "ИЗОГИЗе" как редактор политического плаката, и я считаю, что было бы ошибкой с моей стороны, если бы несколько слов, как член МОССХ, чувствующий ответственность за его дела, не сказал бы о своей работе. Этот ответственный участок нашей политической работы сейчас не на высоте. Значение плаката, который издается сотнями тысяч экземпляров, огромно и как оружия политической агитации и пропаганды, и как орудия художественного воспитания масс, потому что при отсутствии художественной репродукции картин плакат вешают в избе и в жилище рабочего, он воспитывает массовый вкус.

Недостатки нашей работы заключались, прежде всего, в том, что мы не смогли достаточно противодействовать той вредительской политике врага народа Томского, который руководил ОГИЗом в течение ряда лет и систематически зажимал всякую политическую работу в издательстве. Я приведу вам только две цифры, как "ИЗОГИЗу" отпускалась Томским бумага и как планировалось издание плакатов. В 1934 году мы выпустили 269 названий плакатов в количестве 11 млн. экз. На 1937 г. запланирован 71 плакат в количестве 5,5 млн. экз. Снижены в несколько раз и количество названий и тиражи. Наряду с этим проводилось систематическое вредительство в области красочной полиграфии, в которой заинтересованы не только полиграфисты, но и все художники. Это привело к тому, что красочная полиграфия находится на том уровне, на котором она была 50 лет тому назад, и мы не можем удовлетворить всей потребности страны в репродукции и в плакатах, а также в картинах и в массовых пособиях⁸⁹⁰.

⁸⁸⁹ Данное отчетно-выборное собрание членов МОССХ длилось 10 дней – с 8 по 17 мая 1937 г., на нем присутствовало 503 человека (из 700 членов). В первый день выступил сотрудник агитпропотдела ЦК ВКП (б) К.Ю. Юков. В заключение состоялись выборы нового состава правления МОССХ.

⁸⁹⁰ Таким образом, общий недостаток бумаги в стране (при примитивном гулаговском лесоповале и отсутствии современных бумажных заводов), отсутствие современных полиграфических машин (всё существовавшее и продолжавшее работать оборудование было произведено еще до 1917 г.) – из-за чего не могло быть ни достаточного количества, ни хорошего качества изданий – ставилось в вину мифическим *вредителям*.

Мы недостаточно боролись за общественную трибуну. Мы оторвались от массы художников благодаря нашей замкнутости, самоуспокоенности и оторванности от настоящей критики, мы не сумели преодолеть те вредные настроения, которые развились у ряда художников, которые, испугавшись трудностей, попросту отказались от работы над плакатом. Всё это привело к тому, что наш плакат находится не на той высоте, на которой он должен был находиться как орудие большевистской агитации.

Целиком ли падает вина на нас? Мы, работники редакционного аппарата, очень сильно виноваты в этом деле. Но назовите мне хотя бы один хороший плакат, созданный художником, который не был бы издан! Наша вина в том, что мы не создали достаточных условий для роста художников. Но ведь художники отвечают за свою продукцию, и эту ответственность нельзя с них снять, а как руководил МОССХ этой работой? Какая атмосфера создалась в МОССХе вокруг плаката?

Надо сказать, что не только в отношении плаката, но в отношении любого искусства, которое вело боевую, активную политику, этот раздел искусства был у МОССХ на задворках. Например, оформление политических кампаний, политическая карикатура, политический плакат; что в этой области деляческая политика МОССХ сделала? Ничего. Политическим воспитанием художников, организацией творческой самокритики МОССХ не занимался. Не было обсуждения плакатов, не было выставок плакатов, не было организовано прямой связи с "ИЗОГИЗом". МОССХ не обеспечил заказов ведущим плакати́стам на выставках "Индустрия социализма" и "20 лет Красной армии"⁸⁹¹. МОССХ не проявил заботы об условиях работы плакати́стов. МОССХ никакого внимания этому участку не уделял.

Здесь т. Вольтер жонглировал цифрами. Я думаю, что тов. Моор скажет, в чем секрет того, что Плакатный сектор, которому было ассигновано 5 тыс. руб., истратил только 228 руб., и это в то время, когда ему не хватало даже денег на марки для рассылки повесток.

Ошибка художественной политики МОССХ заключается в полном отсутствии всякой художественной политики. Политика МОССХ – это ориентировка на среднего, это полное отсутствие политической перспективы. Это является характерным на всех участках работы. Мы сейчас пытаемся вскрыть не только отдельные ошибки, а их причины, чтобы дальше их не повторять. И здесь можно перечислить целый "список преступлений и благодеяний" бывшего правления МОССХ, но ведь нужно вскрыть, в чем причины недостатков в работе?

⁸⁹¹ Имеется в виду *Выставка плаката эпохи Гражданской войны*, открытая 23 февраля 1938 г. в Москве, в Государственной Третьяковской галерее, в ознаменование 20-летия Красной армии. Представлены плакаты эпохи Гражданской войны. Среди художников: А.П. Апсит, В.Н. Дени, В.В. Маяковский, Д.С. Моор, М.М. Черемных.

Первая причина прежде всего заключается в отсутствии художественной и политической перспективы, в ориентировке на середняка. Страшно низок уровень требований, которые предъявлены сейчас художнику, уровень требований, предъявляемых к критике самими художниками, особенно предъявляемых руководящими работниками МОССХ, которые заседали в жюри. Уровень требований чрезвычайно низок.

Тов. Сталин дал директиву музыкантам ориентироваться на советскую классику в области музыки⁸⁹². Не надо ставить себе далекую цель, надо уметь видеть далекую перспективу, куда идет советское искусство.

Этих критериев, качественно высоких, идейных и политических перспектив в МОССХе не было. Это отсутствие всякой художественной политики будущее правление МОССХ должно пересмотреть.

Политическое воспитание художников – вторая задача МОССХа. В этой области что сделано? Здесь обиделись на тов. Ряжского, который упрекал нас в недостаточно высоком политическом уровне.

Надо признать, товарищи, что, действительно, систематической работы над повышением политической квалификации художников и систематической

⁸⁹² 17 января 1936 г. И.В. Сталин, В.М. Молотов, нарком просвещения А.С. Бубнов и секретарь ЦИК И.А. Акулов посетили в Большом театре гастрольный спектакль Ленинградского государственного академического Малого театра оперы и балета (МАЛЕГОТ) – оперу *Тихий Дон* композитора И.И. Держинского (либретто Л.И. Держинского по первой части романа М.А. Шолохова). По этому случаю ТАСС распространило следующее коммюнике: «*После третьего акта тов. Сталин и Молотов беседовали с авторами спектакля композитором Держинским, музыкальным руководителем театра Самосудом и режиссером Терешковичем. Во время беседы тов. Сталин и Молотов дали положительную оценку работы театра в области создания советской оперы, отметили значительную идейно-политическую ценность постановки оперы "Тихий Дон"*». Были отмечены либретто, музыка, актерское исполнение. Говорилось также о «*положительной оценке работы театра в области создания советской оперы*». 21 января 1936 г. в *Правде* появилась статья И.И. Держинского, С.А. Самосуда и М.А. Терешковича *Новый этап в жизни нашего театра*, посвященная их беседе с вождями. Цитировались слова И.В. Сталина: «*Нам, конечно, очень нужна оперная классика, но пора уже иметь и свою оперную классику*». Интересно отметить, что ровно через неделю, 28 января 1936 г., *Правда* опубликовала редакционную программную статью *Сумбур вместо музыки*, подвергшую разгрому знаменитую оперу Д.Д. Шостаковича *Катерина Измайлова* (1930 г.) за *антинародные, формалистические извращения* и развязавшую последующую полувековую кампанию борьбы с *формализмом и натурализмом* в искусстве. (См.: *Максименков Л.В. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938 гг.* М., 1997).

Полтора года спустя, 23 октября 1937 г., в Большом театре состоялась премьера оперы И.И. Держинского *Поднятая целина* (либретто Л.И. Держинского по роману М.А. Шолохова). Затем только в 1938–1953 гг. советскими композиторами было написано и поставлено в музыкальных театрах Москвы, Ленинграда и республик Советского Союза около 50 героических опер, среди них: в 1938 г. – *Кола Брюньон* Д.Б. Кабалевского, *Мятеж* Л. Ходжа-Эйнатова, *Щорс* Б.Н. Лятошинского, в 1939 г. – *В бурю* Т.Н. Хренникова, *Мать* В.В. Желобинского, *Перекол* Ю.С. Мейтуса, в 1940 г. – *Семен Котко* С.С. Прокофьева, в 1942 г. – *Емельян Пугачев* М.Ф. Коваля, *Чапаев* Б.А. Мокроусова, в 1947 г. – *Молодая гвардия* Ю.С. Мейтуса, в 1948 г. – *Война и мир* С.С. Прокофьева, в 1949 г. – его же *Повесть о настоящем человеке* и др., многие из которых были отмечены Сталинскими премиями. [См.: *Советская опера (Сборник критических статей)*. М., 1953; *Никитина Л.Д. Советская музыка. История и современность*. М., 1991]. Опера В.И. Мурадели *Великая дружба*, подготовленная к постановке в Большом театре в 1947 г., была подвергнута заушательской критике и обвинениям в формализме постановлением ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 г. (*Правда*. 1948. 11 февраля).

работы над овладением большевизмом – того, к чему призывает партия, не велось МОССХом, и не намечено практических путей, чтобы по-настоящему, по-большевистски, воспитать художника.

Наконец, важнейшая задача – это конкретная большевистская критика. Это политическое воспитание художника и большевистская практика их работы, причем, критика не отдельных поступков (к чему здесь часто у нас сводятся прения, когда мы критикуем поступки тех или иных художников), а критика их работы – вот к чему призвана советская художественная общественность. Эту критику должен возглавлять МОССХ. Настоящая большевистская критика без замазывания, без захваливания, без групповщины – такая критика действительно сможет помочь дальше развиваться советскому искусству на всех его этапах. Настоящего большевистского дыхания у наших работников – вот чего нам не хватает, вот, что нам нужно.

С этой точки зрения нужно оценивать и прошедшую работу, и будущую работу МОССХа. Я думаю, что сейчас есть все возможности для того, чтобы на нужную высоту поставить работу и реализовать те указания, которые дала партия. Развертывание самокритики вскрыло этот нарыв, мимо которого проходили. Здесь чувствовали, что плохо пахнет, и не решались вскрыть этот нарыв смело и как следует. Сейчас этот нарыв вскрыт. Мы имеем возможность всю работу перестроить по-новому, имея перед собою настоящую перспективу советского искусства, идя по этому пути с теми людьми, которых мы облечем своим доверием. (Аплодисменты).

РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1. Д. 105. Л. 31–35.